

Е.В. ЕРМАКОВА
(Саратов)

**ИМПЛИЦИТНОСТЬ И ПОДТЕКСТ:
ТЕРМИНЫ И ПОНЯТИЯ,
СТОЯЩИЕ ЗА НИМИ**

Между понятиями «имплицитный смысл» и «подтекст» в художественном тексте существует связь. Если имплицитные смыслы – это эмоционально-ментальные образования на основе имплицитных знаний, усвоенных и хранящихся в памяти до некоторого момента, то через художественную категоризацию на основе этих смыслов в художественном тексте читатель приходит к осознаваемому (иногда легко вербализуемому, чаще трудно вербализуемому) выводу – суждению о подтексте.

Ключевые слова: *имплицитность, подтекст, категоризация, проекция текста, инференция, импликатура.*

В современной филологии совершенно справедливо подвергается критике использование терминов «подтекст», или «скрытый смысл», без четкого их определения. Так, в статье «Подтекст: термин и понятие» А.М. Камчатнов отмечает, что очевидность значения термина «подтекст» более чем иллюзорна [10, с. 40]. Анализируя употребление термина «подтекст» в работах разных авторов, исследователь приходит к выводу о том, что он употребляется в значении, синонимичном терминам «смысл» и «имплицитное содержание». Действительно, если «смысл высказывания субъективен как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего, конкретен, изменчив» (Там же, с. 42), то в чем же разница между «добавочным значением фразы» [13, с. 87], определяемым как подтекст, и смыслом, который вычитывается из высказывания собеседником или слушающим/ читающим и субъективен по определению?

А.М. Камчатнов предлагает следующее основание для разделения на виды такого сложного явления, как смысл: по признаку адресата – на эзотерический (предназначенный для избранных, собственно подтекст) и понятный всем (экзотерический). Как видим, в данном разделении на виды задействован не только признак

адресата, но и признак интенциональности (не случайно речь идет о предназначенности (адресантом) сообщения для избранных). Именно этот критерий (критерий намеренности, интенциональности) использует М.В. Никитин для того, чтобы дать определение подтекста: «Всякий намеренный имплицитный смысл, будь то на уровне высказывания или текста, простой или сложный (развернутый) по содержанию и структуре, дополняющий или вытесняющий эксплицитное значение высказываний (текстов), может быть назван – в соответствии с обыденным употреблением этого термина – подтекстом» [12, с. 144].

Изначально термин «подтекст», как известно, использовался в применении к художественному диалогу (согласно сложившейся традиции, основанной К.С. Станиславским). Достаточно часто он используется и при толковании диалогов в разговорной речи, хотя не менее часто используются термины «импликатура» и «инференция», что связано с англо-американской традицией логико-философского анализа речевой коммуникации (см., напр., [18; 19; 21]) и подразумевает следующее разграничение: инференция – это заключение из сказанного, которое делает собеседник, с целью понять, что говорящий имел в виду, а импликатура – это то, что имеет в виду говорящий. «Импликатура отличается от инференции тем, что говорящий имеет ее в виду» и «в своем поиске импликатур говорящий может ошибиться» [15, с. 102]. Как видим, когда речь идет о разговорном диалоге, термин «подтекст» употребляется в значении, практически синонимичном с термином «инференция»: это смысл (в том и другом случае), который «вычитывается» из сообщения (а иногда и «вчитывается» в него).

Существует, однако, еще одно понимание термина «подтекст», а именно – как смысла, который в художественном произведении «моделируется» читателем на основе содержания текста как целого в культурно-историческом контексте; по принципу неочевидности, по принципу прилагаемого интеллектуального усилия он отличается от концептуального содержания текста тем, что ему приписывается статус намеренной направленности на читателя, который способен вычислить этот

смысл, сопоставляя, восполняя смысловые пропуски, угадывая за одними событиями другие (подобное понимание подтекста лежит в основе дихотомии «подтекст, извлекаемый из смысла высказывания, и текст-основа/текст-повтор» у Т.И. Сильман [14], «подтекст прямой речи и подтекст образно-смыслового плана» у Э.В. Магазаник [11], «субъективно-психологический и объективно-композиционный» у М.Б. Борисовой [3; 4].

Для исследователя второй тип подтекста в дихотомии тесно связан с понятием «образ автора», как его определяет В.В. Виноградов, а именно как целостную духовную позицию, организующую языковой материал в каждом фрагменте текста [5]. Читатель в меньшей степени, чем исследователь, сведущий, не имеющий достаточного жизненного, эмоционального, читательского опыта, может испытать серьезное замешательство при выведении этого типа подтекста.

Уместно в связи с пониманием, к которому приходит читатель в результате сложной интеллектуально-психической деятельности, использовать понятие категоризации, под которой, вслед за Г.И. Богиным, мы понимаем порождение метасмыслов (вплоть до художественных идей) через рефлексию, обеспечивающую соединение частных единиц смысла в метаединицы [2, с. 43]. Метасмысл, как пишет исследователь, «опредмечивается» соответствующими текстовыми формами. Привлекая к интерпретации и пониманию пробужденную рефлексию над прошлым опытом, читатель поневоле приходит к тому, что «не только смыслы, но и средства их выражения интегрируются в метаединицы, то есть уже и стиль дает реципиенту “имплицитные указания” в отношении смысла целого» [1, с. 6]. Подтекст как некоторый вывод, основанный на рефлексии как результате наблюдения над текстом в его социополитическом, философском аспектах; над единицей в контексте, создаваемом историей, другими текстами, бытийностью социума и т.д., действительно становится некоторой смысловой реальностью и может носить имя философского, политического, символического, исторического подтекста и т.д. Часто читателю требуется специальная помощь в форме комментариев к тексту, литературоведческих исследований, данных справочной литературы и т.д.

для того, чтобы «узнать» подтекст данного типа в тексте.

Что же лежит в основе «узнавания» имплицитности, инференции и подтекста? Это имплицитные знания, обладающие высокой степенью усвоенности, системности (прагматические – знание ситуаций общения; коммуникативные – знание психологии общения и основ человеческого поведения), а также знания более декларативного и менее системного характера (знания научных, социально-исторических, географических, медицинских, технических, литературных и т.д. фактов). Эти знания помогают в процессе осмысления речевых произведений постоянно, с большей или меньшей степенью осознаваемости, в качестве незримой основы присутствуют и при восприятии и адекватной оценке разговорной речи, и при чтении текстов (как художественных, так и нехудожественных).

Художественный текст дает возможность читателю взглянуть на то, что превратилось для него в «очевидность», перестало замечаться, заново, переосмыслить его как нечто новое. Изображение психологически неоднозначных ситуаций, противопоставление (часто не комментируемое автором) диаметрально противоположных точек зрения в тексте, введение в текст неоднозначных образов – все это способы «обращения» к читателю, мобилизации его внимания, ресурсов памяти, ресурсов накопленного опыта. В случае, когда имплицитные знания читателя вступают во взаимодействие с ситуацией, изображаемой в тексте, и языковым контекстом, деавтоматизируясь (читатель испытывает потребность в деавтоматизации, отсутствие деавтоматизации препятствует пониманию), возникают имплицитные смыслы, предпосылки к тому, что в дальнейшем может вылиться во вполне осознаваемый вывод о подтексте.

В своих продуктивных исследованиях по имплицитным репрезентациям слов в сознании реципиента текста Н.В. Рафикова делает вывод: «Альтернативное значение слова, которое осталось на неосознаваемом уровне, не исчезает из репрезентации предложения, а образует ее имплицитную репрезентацию» [16, с. 85]. Альтернативные значения слов, оставшиеся в имплицитном состоянии, могут в случае необходимости привлекаться к интерпретации: «альтернативные значения, которые

сначала находились на слабо осознаваемом уровне, могут переводиться на более осознаваемый уровень понимания» [16, с. 88]. Вообще переход от неосознанного к осознаваемому – это динамичный процесс, постоянно протекающий в сознании: «имеет место непрерывность осознанного и неосознанного как одно из фундаментальных свойств психического как процесса, при котором бессознательное существует столь же реально, как и осознаваемое» [9, с. 33].

Подобно тому, как в альтернативной форме сохраняются в памяти при восприятии текста альтернативные значения слов, точно так же альтернативные гипотезы (возможные версии) текстовых событий (включая события внутреннего мира героев) могут до определенного момента храниться в сознании в форме догадок, реализуясь в нужный момент, когда основной гипотезы оказывается недостаточно для создания адекватной проекции текста в сознании реципиента.

Параметры «автоматичность/неавтоматичность», «системность/несистемность» имплицитного знания важны потому, что они показывают, основой чего становятся имплицитные смыслы, рождаемые из взаимодействия имплицитного знания и ситуации в тексте. Предполагается, что любые знания, усвоенные в системе, с имплицитной предикацией и процедурного характера, значительно более имплицитны, нежели знания декларативного характера [17]. Думается, что прагмакоммуникативные знания, лежащие в основе речевых инференций и подтекста в художественном диалоге, по своим характеристикам близки к такому типу знаний, которые описаны Р. Стернбергом и его соавторами [20] как неявные знания, лежащие в основе практического интеллекта, процедурные по своей природе. Это контекстуально обусловленные знания о том, как поступать в ситуациях, требующих решения конкретных задач. Они управляют повседневным поведением, и в их основе обычно не лежит осознанный анализ. При попытке выразить эти знания словами люди, как правило, испытывают значительные сложности, что означает высокую степень автоматичности этих знаний.

В основе же таких явлений с «двойным дном», как интертекстуальность, историко-политический, философский, символиче-

ский виды подтекста, лежит знание фактов, которые могут быть продекларированы с достаточной степенью однозначности. Интуитивно многие исследователи отмечают разнородность имплицитности, лежащей в основе вышеназванных явлений. Так, Б. Гаспаров отмечает, что «подтекст выполняет интегрирующую функцию в тексте, в который он инкорпорирован» [7, с. 60], тогда как «интертекст размывает границы текста» (Там же). И.Р. Гальперин подчеркивает, что символ эксплицитен, тогда как подтекст имплицитен [6, с. 45]. Ощущаемая «эксплицитность» символа (речь в работе И.Р. Гальперина идет, вероятно, не об авторских, а о культурно-исторических символах) связана, как нам представляется, с универсальностью закрепленного за символом коллективного опыта, воспринимаемого как некоторый факт.

Степень имплицитности оценивается также степенью «достижимости» знания, т.е. тем количеством процедур, которые необходимы для извлечения знания из состояния неосознаваемости [17]. Количество процедур для знания, имеющего форму «поведенческой схемы», по определению должно быть больше: если в тексте поведенческая схема соотнесена с некоторой сценой, эпизодом, то она, во-первых, должна быть переведена из динамического в статическое состояние и, во-вторых, оценена как «сложносоставной» объект, для которого каждый компонент будет рассмотрен по целому ряду параметров. К таким параметрам относятся, как минимум, положение элемента в последовательности элементов сцены; связь с другими элементами сцены; связь каждого отдельного элемента с экстралингвистической действительностью; связь сцены с текстом, в который он включен и т.д.

Взглянем на часто цитируемую реплику Астрова в конце IV акта «Дяди Вани» А.П. Чехова («А должно быть, в этой самой Африке теперь жарища – страшное дело!»), которой приписывается особая смысловая насыщенность; эта реплика считается классическим примером высказывания с подтекстом. В каких направлениях движется мысль исследователей, которые рассматривают функционирование этой реплики? Прежде всего, отмечается важность образов Африки и жарищи («важно тут слово “жарища” – в нем выразилась жажда силь-

ных, ярких впечатлений, “опаляющих” чувств на фоне мрачной, монотонной, холодной действительности» [14, с. 95]). Подобное объяснение («Африка, особенно в то время, – это даль, экзотика, четко противостоящая тому пространству, в которое они (персонажи) отныне заключены. И, может быть, фраза об Африке – неосознанное выражение тоски по небывалому и несбывшемуся» [8, с. 43 – 44]) через значение образа-символа «Африка» – это наиболее очевидный параметр, т.к. образ-символ декларативен и в достаточной степени эксплицитен.

Еще один параметр – положение элемента (реплики) в последовательности элементов сцены прощания, которое является итоговым, но не соответствует этому положению по содержанию. Ее смысловая «неуязвимость» с ситуацией прощания требует объяснить ее как некоторый суммирующий, итоговый знак, что приводит к следующим толкованиям: «фраза о погоде в Африке совершенно не вяжется с ситуацией: за ней <...> ощущение полной необратимости всего случившегося» (Там же, с. 43). Следующий параметр – связь элемента сценария с текстом, в который он включен: «в контексте не бытового диалога, а спектакля – эта фраза, как и карта Африки в конторе российского имения, предстает как образ нелепости, нескладности всего их существования» (Там же).

Как показало наше исследование, между понятиями «имплицитный смысл», «категоризация», «подтекст» существует самая тесная связь. Если имплицитные смыслы – это эмоционально-ментальные образования на основе имплицитных знаний, усвоенных и хранящихся в памяти до некоторого момента, то через категоризацию на основе этих смыслов в художественном тексте читатель приходит к осознаваемому (иногда легко вербализуемому, чаще – трудно вербализуемому) выводу – суждению о подтексте. В качестве синонимов имплицитного смысла иногда используются такие понятия, как «читательская интуиция», «предзнание». Пользующиеся ими не так уж неправы. Имплицитные смыслы – это смыслы в процессе становления, переживаемые смыслы, это превращаемые в смыслы знания, которые в конечном итоге могут вылиться в некоторые суждения, например, суждения о подтексте.

Литература

1. Богин Г.И. Схемы действий читателя при понимании текста. Калинин : Изд-во КГУ, 1989.
2. Богин Г.И. Школа рефлексии и рефлексивности // Методология современной лингвистики: проблемы, поиски, перспективы. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2000. С. 41 – 51.
3. Борисова М.Б. Слово в драматургии М. Горького. Саратов, 1970.
4. Борисова М.Б. Голос автора и голос героя в драматургическом тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб. : Изд-во СПбГПУ им. А.И. Герцена, 1998.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980.
6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
7. Гаспаров Б.М. В поисках «другого» // Новое лит. обозрение. 1995. №14. С. 53 – 72.
8. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопр. языкознания. 1983. №6. С. 37 – 47.
9. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопр. языкознания. 1999. №6. С. 31 – 43.
10. Камчатнов А.М. Подтекст: термин и понятие // Филол. науки. 1988. №3. С. 40 – 45.
11. Магазаник Э.В. К вопросу о подтексте // Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Вып. 238: Проблемы поэтики. Т.2. Самарканд, 1973. С. 331 – 346.
12. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.
13. Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филол. науки. 1969. № 1. С. 84 – 91.
14. Сильман Т.И. Подтекст – это глубина текста // Вопр. лит. 1969. №1. С. 89 – 103.
15. Падучева Е.В. Импликация и инференция // Динамические модели в семантике лексики. М. : Яз. славянской культуры, 2004. С. 101 – 112.
16. Рафикова Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста. Тверь : Изд-во Твер. ун-та, 1999.
17. Dienes Z., Perner J. A Theory of Explicit and Implicit Knowledge // Behavioral and Brain Sciences. 1999. №22. P. 735 – 808.
18. Grice H.P. Logic and Conversation // The Logic of Grammar (ed. D. Davidson and G. Harman). Encino, Cal. : Dickenson, 1975. P. 64 – 75.
19. Sperber Dan, Wilson Deirdre. Relevance. Communication and Cognition (2nd edition). Oxford : Blackwell, 1986.
20. Sternberg R.J., Forsythe G.B., Hedlund J. [etc.]. Practical Intelligence in Everyday Life / N.Y. : Cambridge University Press, 2000.

21. Yule George. Pragmatics. Oxford : Oxford University Press, 1996.

Implication and subtext: terms and notions

There is connection between the notions "implicit meaning" and "subtext" in a narrative text. Implicit meanings are emotional and mental forms based on implicit knowledge acquired and kept in memory until some certain moment. Through narrative categorization on the basis of these meanings in a narrative text the reader comes to the conscious (sometimes easily verbalized, more often hardly verbalized) conclusion – notion of subtext.

Key words: *implication, subtext, categorization, text projection, inference, implicature.*

Ю.В. ПОГРЕБНЯК
(Волгоград)

**ОСОБЫЕ СЛУЧАИ РЕАЛИЗАЦИИ
ИНТЕРИОРИЗОВАННОГО
ДИСКУРСА**

Анализируются нетипичные случаи реализации интериоризованного дискурса, который рассматривается нами как модель внутренней речи персонажа, представленная автором художественного произведения. Показывая роль так называемых «квазиобъектов» в интериоризованном дискурсе, автор приходит к выводу о том, что часто общение с самим собой маскируется общением с другими объектами.

Ключевые слова: *интериоризованный дискурс, несобственно прямая речь, шкала интериоризации дискурса, степень интериоризации дискурса, объект интериоризованного дискурса, субъект интериоризованного дискурса.*

Объектом нашего изучения является интериоризованный дискурс, который мы рассматриваем как отражение внутренней речи персонажа в тексте художественного произведения. По теории А.А. Леонтьева, существует этап внутреннего программирования в процессе порождения высказывания. Именно этот этап может развиваться

в полное вербальное высказывание, в процесс «внутреннего проговаривания», или во «внутреннюю речь», в зависимости от целей говорящего [3].

В теории Н.И. Жинкина [2] доказывалась гипотеза о возможности несловесного мышления, когда происходит переход на особый код внутренней речи, названный Н.И. Жинкиным универсальным предметным кодом. Это субъективный язык, язык-посредник, который переводит замысел высказывания на общедоступный язык. Интериоризованный дискурс, в нашем понимании, является моделью «внутреннего программирования», или «внутренней речи». Эта модель создается автором произведения путем использования языковых средств. Интериоризованный дискурс в таком понимании является одним из способов моделирования реальности.

Н.И. Жинкин, разрабатывая проблему кодирования и декодирования информации в мышлении человека в процессе порождения, восприятия и понимания речевых сообщений, говорит о различных уровнях свертывания информации. Является ли интериоризованный дискурс моделью «внутреннего программирования», зависит от степени интериоризации, которую определяет автор в своем произведении в зависимости от художественных целей. Чем больше глубина интериоризации дискурса, тем более «сжат» образ, тем большую компрессию смысла мы наблюдаем и тем больше языковых средств требуется для раскрытия этого образа.

М.М. Бахтин, говоря о взаимодействии автора и героя в художественном произведении, указывает на то, что читатель видит произведение именно через призму автора: «... каждый момент произведения дан нам в реакции автора на него, которая объемлет собою как предмет, так и реакцию героя на него ...» [1, с. 9]. Таким образом, в рамках концепции М.М. Бахтина интериоризованный дискурс может рассматриваться как созданная автором модель внутренней речи героя. Сама внутренняя речь в определенной степени описывается, моделируется через процесс экстериоризации ее автором произведения. Причем автор самостоятельно выбирает степень экстериоризации в зависимости от очень многих фак-